

СЛУЧАЙ ПОД НОВЫЙ ГОД

Н О Жабыко

История эта случилась под Новый год, в декабре 1983. Мне было восемь лет, училась я во втором классе Кежемской средней школы, и это был второй год моей деревенской жизни. Лучшие годы своего детства я провела у любимой бабулечки, в большом селе на берегу Ангары. Край был красивый и суровый, сейчас это место под водой Богучанской ГЭС.

До школы – километра четыре, общественного транспорта не было. Каждое утро, ровно в семь, я выдвигалась из дома в полном обмундировании: валенки, цигейковая шубка, лисья шапка и бабушкина пуховая шаль. Плюс портфель. По сравнению с деревенскими детьми я была городским заморышем, меня пытались откормить пирогами, икрой, деревенской сметаной, как говорила бабушка, чтобы силы были в школу ходить. Зимой бежать в школу было особенно интересно. Примерно к середине пути насморк замерзал, руки-ноги начинали неметь, и к школе уже подгробала одна большая сосулька. Зато потом разденешься, сидишь в тёплом классе, отойдёшь от мороза, разомлеешь и так хорошо тебе, такое счастье. Лепота!

Обратно домой бежать было веселее, но тоже холодно. И вот однажды иду я домой, конец декабря, под минус тридцать на улице. Прошла половину пути, смотрю, у обочины дороги стоит группка людей. Ну, думаю, автобус ждут. Воспоминания о городской жизни ещё были сильны, и я решила, что тоже подожду автобус и доеду до аэропорта, рядом с которым я и жила. Стоят мужики в тулупах и унтах, несколько женщин. Вскоре подошёл автобус, все залезли в него, и я в том числе.

Едем. Тепло, хорошо! Автобус маленький, горбатый, с носиком. И вот мой поворот Мы его проезжаем, и автобус едет дальше. Я постеснялась попросить остановиться. Думаю, на первой остановке выйду, на крайняк, на конечной, он же развернётся и обратно поедет, тут уж я смелости наберусь, попрошу остановить там, где надо. А он всё едет и едет Деревня уже кончилась, начался лес, а мы всё едем. Я сижу Долго ли, коротко мы ехали, наконец, автобус остановился, открыл дверь, все выходят, и я вышла. Кругом лес, народ куда-то рассосался, автобус заехал в огромные железные ворота, которые тут же закрылись, и всё.

Кругом никого и ничего, только высокий забор с колючей проволокой, зелёные ворота, лес и столб с фонарём, у которого я и встала. Про Нарнию я тогда не знала. Ну, думаю, сейчас автобус развернётся, выедет из ворот, и я поеду домой. И вот стоит восьмилетняя городская девочка одна-одинёшенька посреди тайги. Стемнело, мороз пробирает до костей, а я всё жду Вокруг – ни души. Постучала кулачком в ворота, да где там, даже приличного звука не было. Руки, ноги заледенели, прыгаю, потом сил прыгать уже не осталось. Я присела у столба с фонарем, плачу, слёзы тут же замерзают, а я уже ничего не чувствую. Вспомнила единственную молитву, которой бабушка научила, молюсь. Потом давай просить Деда Мороза, если он существует, чтобы вернул меня бабулечке. Говорю, мне никаких подарков больше не надо, только домой меня верни!

Уже в каком-то полузабытьи вижу, отъехали железные ворота, выбегает женщина, кинулась ко мне, схватила и начала трясти, что-то спрашивать, а я её даже понять не могу Затащила она меня в сторожку, посадила около печки, вытряхнула из валенок

Центр с. Кежда. 1976. Фото А.Г. Журавлёва

и шубы и давай растирать меня всю. Суёт крепкий чай, ну, чистый чифир, горький, горячий. Я оттаяла, сижу, улыбаюсь. Оказывается, я приехала к зверосовхозу, в котором разводили чернобурок, а он с десятков километров от Кежмы, может, и больше. Автобус рабочих привёз, и никто не заметил маленькую девочку. Спасительница убежала, притащила шофёра и отутюжила его семиэтажным ангарским матом! Носом его в меня тычит, орёт, замахвається, а я к печке припала и улыбаюсь.

– Девочка, а ты чьих будешь?

– Я – внучка Пелагеи Фёдоровны, моя тётя – Мария Николаевна, она в аэропорту главным бухгалтером работает

– **ит твою налево! Тётя Поля, наверное, извелась вся, вот бы внучка у неё сейчас насмерть бы замерзла. Ирод, выгоняй автобус, вези девку да на руки передай. Прибить тебя, скотобазу, мало!

Делать нечего мужику – выгнал из гаража автобус, меня укутали, посадили на первое сиденье и повезли домой. По дороге я уснула. Очнулась уже, когда меня на руках шофёр домой заносил, где металась бедная бабулька. Мужик рассказал, как дело было, получил мешок шанежек и поехал в свой зверосовхоз.

Бабушка посадила меня у печки, дышала мне на руки-ноги, плакала и целовала меня, приговаривая: «Живая!».

Этот случай потом мы часто вспоминали, удивлялись, как всё благополучно закончилось. И смеялись от того, что волки и медведи, наверное, обалдели от моей наглости – одной расхаживать зимой по тайге.

С тех пор я больше никогда не писала письма Деду Морозу – я знала, что свой лимит подарков я выбрала сполна.